

ПАМЯТИ ПИСАТЕЛЯ: К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ Л. Н. ТОЛСТОГО

УДК 81'42
ББК 81

Дата поступления статьи: 03.12.2020
Дата решения о публикации: 11.12.2020

ОБРАЗЫ И ДЕТАЛИ ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО «ПОЛИКУШКА», ТРАНСЛИРУЮЩИЕ СИМВОЛИКУ ГРАНИЦЫ*

В. И. Абрамова

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Аннотация. Повесть Л. Н. Толстого «Поликушка» наполнена деталями, номинации которых являются в русской лингвокультуре символами границы. Это угол, дверь, лестница, чердак, дорога, люлька, корыто, вода, пряжа. Данную символику поддерживают и транслируют образы повести: заглавный герой (Поликушка), его жена Акулина, грудной ребенок Семка, безымянный кузнец, кривой работник, рекруты Илюха, выкупленный дядей, и Алеха, заменивший его, конь, кошка, петух. Этот ряд дополняют демонологические персонажи, введенные в повествование: летающий змей, ходячий покойник, домовой. Граница, которая мыслится в народной культуре как нечто опасное, словно накладывает трагический отпечаток на судьбы связанных с ней людей: Поликушка повесится, Семка утонет, Акулина сойдет с ума, Алеха добровольно пойдет на государеву службу. Реалистическое произведение Толстого наполняется символическим смыслом. Автор подталкивает читателя к философскому постижению жизни, в которой граница между добром и злом, жизнью и смертью оказывается очень зыбкой.

Ключевые слова: граница, угол, дверь, лестница, чердак, дорога, колыбель, младенец, рекрут.

***Исследование выполнено при поддержке РФФИ (грант № 19-512-18008).**

UDC 81'42
LBC 81

Date of receipt of article: 03.12.2020
Date of publication decision: 11.12.2020

IMAGES AND DETAILS OF L. TOLSTOY'S "POLIKUSHKA" WHICH CONVEY SYMBOLS OF A BOUNDARY*

V. I. Abramova

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Abstract. L. Tolstoy's "Polikushka" is full of details, whose nominations are symbols of a boundary in the Russian linguoculture. These are a corner, a door, stairs, an attic, a road, a cradle, a tub, water. These symbols are supported and conveyed by the images of L. Tolstoy's work: the title character (Polikushka), his wife Akulina, infant Syomka, nameless smith, crooked worker, recruits Ilyukha, who was redeemed by his uncle, and Alyokha, who replaced him. This row is supplemented by demonological characters introduced into the narration: a flying serpent, a walking deceased, a house spirit. It looks like the boundary, which is conceived in the folk culture as something dangerous. It leaves its tragic mark on the fates of the people related to it: Polikushka will hang himself, Syomka will drown, Akulina will go mad, Alyokha will become a recruit. Tolstoy's realistic work becomes filled with a symbolic meaning. The author

pushes the reader towards philosophic comprehension of life, in which the boundary between good and evil, life and death appears to be very uncertain.

Keywords: *boundary, corner, door, stairs, attic, road, cradle, infant, recruit.*

***The reported study was funded by RFBR, project number 19-512-18008.**

Повесть Л. Н. Толстого «Поликушка» (1863) не часто становилась объектом научных исследований. Большого внимания были удостоены одноименная экранизация произведения, созданная режиссером А. Саниным в 1919 году [3; 13], а также переводы этого текста на другие языки [2; 4]. С литературоведческой точки зрения «Поликушку» Л. Н. Толстого изучали американская и японская исследовательницы (К. Партэ [14], Й. Саканоуэ [5]). Их статьи, посвященные фольклорным мотивам в данной повести, наиболее тематически близки нашей работе. Обращаются к фольклорному образу удавленника, изображенному Толстым, и авторы статьи о народных легендах в литературной обработке Е. Н. Опочинина [12, с. 111]. Действительно, многие образы и детали «Поликушки» связаны с фольклорно-мифологическими представлениями. По нашим наблюдениям, почти все они транслируют в тексте символику границы.

Граница мыслится в славянском фольклоре как «пространственный рубеж, разделяющий “свой” и “чужой” мир» [6, с. 537]. Пограничными локусами являются порог, окно, угол, чердак, подпол, ворота, околица, межа, река, дорога и др. Граница – опасное для человека место, где он с большой вероятностью может быть подвержен нападению темных сил, обитающих в «чужом» мире, «перетянут» ими туда. Таким образом, пространственная граница становится символической границей между жизнью и смертью.

В повести Л. Н. Толстого заглавный герой – дворовый Поликушка – занимает со своей семьей *угол* (курсив Л. Н. Толстого) «в десятиаршинной каменной избе» [11]. *Угол* в русской лингвокультуре символизирует жилье, дом (*иметь / не иметь свой угол, снять угол*) и в этом смысле маркируется положительно. Одновременно данный локатив обозначает точку, наиболее удаленную от центра жилища, «культурную периферию», границу «своего» и «чужого» и соответственно маркируется отрицательно: *углан, зауголок, заугольник* (внебрачный ребенок, дурак, скрытник, развратник); *угловатый* человек (суровый, неуживчивый); *угольничать, заугольничать* (таиться, подстергать, подслушивать) [10, с. 341–342]. Используя в своей повести слово «угол», Л. Н. Толстой совмещает несколько его значений, а также положительную и отрицательную символику: это и жилище, дом, и реальный угол («в каждом углу был отгороженный досками *угол*»), и фольклорное пограничное место, как будто связанное с маргинальностью героя (он «человек незначительный и замаранный, да еще из другой деревни» [11]).

Поликеев угол – крайний к *двери*, еще одной пограничной точке пространства. Дверь воспринималась как выход в чужой, опасный мир. Открытая дверь могла символизировать смерть или несчастье (*Пришла беда – отворяй ворота*) [7, с. 25–26]. Потеряв письмо с деньгами барыни, Поликушка покончит жизнь самоубийством, его ребенок погибнет в результате несчастного случая, а жена сойдет с ума.

Свое страшное намерение – повеситься – Поликушка осуществляет на *чердаке*. Он верно рассчитал, что там ему никто не помешает. Примечательно, что это место также является пограничным локусом дома, отделяя внутреннее пространство от внешнего, освоенное от природного, свое от чужого. По народным поверьям, на чердаке обитают домовые и другие нечистые духи, а души недавно умерших родственников могут стучать и топтать [10, с. 505–507]. Л. Н. Толстой в своей повести отражает эти мифологические представления: «Многие даже слышали, как в эту ночь кто-то все ходил по чердаку тяжелым шагом, и кузнец видел, как змей летел прямо на чердак» [11]. Упомянутый в отрывке змей – это демонологический персонаж восточнославянского фольклора, «ипостась ходячего покойника, который после

смерти является своей жене или любимой женщине» [7, с. 332]. В повести Толстого любовный мотив отсутствует, сохраняется общее представление о нечистом духе.

Присутствие нечистой силы на чердаке ощущали многие: «Старушки эти и странница сами слышали, как только-только прочтется кафизма, так задрожит наверху балка и застонет кто-то. Прочтут: “Да воскреснет бог”, – опять затихнет. Столярова жена позвала куму и в эту ночь, не спамши, выпила с ней весь чай, который запасла себе на неделю. Они тоже слышали, как наверху балки трещали и точно мешки падали сверху» [11].

Символично, как нам представляется, и то, что чердак, соотносясь в русской лингвокультуре с головой человека, может быть связан с темой безумия. О сумасшедшем говорят: «У него чердак без верху; одного стропильца нет» [1]. Как мы уже упоминали выше, разума лишается жена Поликушки Акулина. С этого момента она тоже становится персонажем, образ которого транслирует символику границы (между своим и чужим мирами). По народным представлениям, «безумцы обладают сверхзнанием, даром прозрения и пророчества», а их неадекватные действия воспринимаются «как символическое поведение, за которым скрывается высший смысл» [10, с. 371].

На чердак ведет *лестница*, которая фигурирует в самых трагических эпизодах повествования: «В сенях подле стены была прямая лестница, ведущая на чердак. Поликей, выйдя в сени, оглянулся и, не видя никого, нагнувшись, почти бегом, ловко и скоро взбежал по этой лестнице»; «Вдруг крик ужаса раздался на чердаке, и столярова жена, как сумасшедшая, с закрытыми глазами, на четвереньках, задом, и скорее ко́ том, чем бегом, слетела с лестницы»; «Акулина бросилась на лестницу и, прежде чем успели ее удержать, взбежала и с страшным криком, как мертвое тело, упала на лестницу и убила бы, если бы выбежавший изо всех углов народ не успел поддержать ее» [11]. Лестница в народной культуре символизирует «путь между мирами», переход в другой мир, на тот свет, «осмысляется как способ связи с потусторонним миром» [8, с. 99–101]. Таким образом, лестница – тоже является пограничным локусом.

Еще один локус, символизирующий границу и связанный с сюжетом повести, – *дорога*. В народных представлениях это – мифологически «нечистое» место, где проявляется судьба, доля, удача человека [8, с. 124]. Именно на дороге, соединяющей «свое» и «чужое» пространство, Поликушка потеряет злополучное письмо, а старик Дутлов его найдет. Следует отметить то, что, отправившись в обратный путь из купеческого дома, где он получил барынины деньги, Поликушка встретит на дороге попа. Это событие, по народным поверьям, не сулит человеку ничего хорошего, символизирует неудачу. Широко известна история о том, что Пушкин, собираясь в декабре 1825 года вопреки запрету императора покинуть Михайловское и отправиться в Петербург, встречает на дороге священника и оставляет свое намерение. В повести Толстого попа сопровождает *кривой* работник. Кривизна считалась в народной среде знаком причастности к миру нечистой силы. Кривыми (одноглазыми, косыми, хромыми) являются черт, леший и другие демонологические персонажи [7, с. 674]. Таким образом, на дороге Поликушка получает знаки, предвещающие ему несчастье и переход в стан злых сил.

Граница может быть связана не только с пространством. Символику границы транслируют номинации определенных профессий и занятий. Пограничным персонажем является заглавный герой. Во-первых, Поликушка был *коновалом*, т.е. человеком, который лечит лошадей. В повести о его деятельности говорится следующее: «как-то понемногу стала распространяться репутация его необычайного, даже несколько сверхъестественного коновальского искусства. Он пустил кровь раз, другой, потом повалил лошадь и поковырял ей что-то в ляжке, потом потребовал, чтобы завели лошадь в станок, и стал ей резать стрелку до крови...» [11]. Знахарь, лечащий людей или животных, считался в народной среде сродни колдуну.

Профессия коновала, который в том числе кастрировал животных, препятствуя воспроизводству жизни, обростала рассказами мистического свойства. Примечательно и то, что *конь*, согласно фольклорным представлениям, являлся одним из самых мифологизированных животных, воплощал связи с миром сверхъестественного, «тем светом», был проводником в загробный мир [7, с. 590]. Вторых, Поликушка был *вором*. В народной демонологии воровство считалось характерным занятием нечистой силы, а если им промышлял человек, воспринималось как род черной магии [7, с. 642–643]. Переход заглавного персонажа повести в нечистые духи становится, таким образом, еще более закономерным.

Жена Поликушки в тот вечер, когда барыня решает дать ему шанс и отправить за деньгами, сидит за *пряжей*. Пряжа в народной культуре имеет семантику жизненного пути, прядение нити воплощает жизнь, судьбу, долю, прялка является одновременно оберегом от зла и атрибутом нечистой силы, образ пряжи соотносится с высшими (Богородица, св. Варвара, Параскева Пятница) и с демонологическими (кикимора, мокоша, домовая, русалка) персонажами [9, с. 328–334, 338]. Таким образом, занятие Акулины тоже связано с неким пограничным состоянием, колдовством. Она словно становится богиней судьбы, определяющей своему мужу несчастную долю.

Летящего на чердак нечистого духа видит *кузнец*. В народной традиции кузнечное ремесло связывалось с колдовством, общением с нечистой силой, чертями. Родственным слову «кузнец» является слово «козни», а одно из значений слова «ковать» – замышлять зло [8, с. 22]. Таким образом, образ кузнеца в толстовской повести также является образом, транслирующим символику границы: это человек, находящийся в силу профессии между мирами (своим и чужим).

Пограничными могут быть определенные периоды в жизни человека. В фольклористике и культурной антропологии существует понятие лиминальности (от лат. *limen* – порог), т.е. состояния переходности, в котором пребывают участники обрядов, связанных с жизненным циклом (рождение, взросление, смерть) и важными событиями, предполагающими смену статуса (свадьба, уход в армию). Лиминальными существами являются новорожденные и призраки (души умерших, по какой-то причине задержавшиеся на этом свете), жених и невеста, подростки во время инициации, рекруты.

В повести Л. Н. Толстого присутствует образ *младенца* – младшего сына Поликушки. Он крещен, у него есть имя – Семен, т.е. из лиминального состояния (ни дух, ни человек) он уже вышел. Тем не менее, младенец близок к границе, отделяющей свой мир от чужого, из которого, по народным представлениям, он недавно появился. Поэтому ребенок в этот период жизни считается наиболее уязвимым для негативных влияний и воздействия злых сил [8, с. 257]. Младенец Семен из повести Л. Н. Толстого тонет в корыте во время купания, когда его мать узнает о том, что муж повесился. Несколько символических деталей как будто предвещают эту трагедию. Веревку для совершения самоубийства Поликушка отвязывает от *люльки* младенца, словно связывая свою несчастную судьбу с его судьбой: «Два предмета особенно останавливали его беспокойные, лихорадочно-открытые глаза: веревки, привязанные к люльке, и ребенок. Он подошел к люльке и своими тонкими пальцами торопливо стал распутывать узел веревки. Потом глаза его остановились на ребенке; но тут Акулина с лепешками на доске вошла в угол. Ильич быстро спрятал веревку за пазуху и сел на кровать» [11]. Люлька или колыбель в народных представлениях символически соотносится со смертью, обозначая гроб [7, с. 559]. Существует загадка, в которой младенец в колыбели уподобляется покойнику, лежащему в гробу: «Дом лубяной, хозяин немой». Таким образом, соприкоснувшись с младенцем и люлькой, Поликушка взаимодействует со смертью. Символично и то, что младенец погибает в корыте. В подблюдных песнях этот предмет тоже обозначает гроб, предвещая смерть: «Стоит корыто, другим накрыто». Соотносится со смертью и

вода, в которой тонет маленький Семка: «водное пространство осмыслялось как граница между этим и тем светом, путь в загробный мир, место обитания нечистой силы и душ умерших» [6, с. 386]. Не случайно ритуальное омовение было необходимым элементом семейных обрядов. Через него должны были пройти все лиминальные существа: новорожденный, невеста, покойник.

Умерев не своей смертью, Поликушка превращается в «ходячего» покойника – существо лиминальное, находящееся на границе этого и того света [9, с. 119]. Он является висельником – самым нечистым из всех «заложных» (умерших неестественной смертью) покойников. Согласно народным верованиям, висельник надевает на себя петлю «по наущению или прямо с помощью дьявола» и после смерти становится членом «нечистой рати» [6, с. 378]. Как и полагается подобному демонологическому персонажу, он пугает людей, вредит им: «Вдруг старику показалось, что кто-то прошел мимо окна. <...> Собака завывала на задворке, а он шел по сениям, как потом рассказывал старик, как будто искал двери, прошел мимо, стал опять ощупывать по стене, споткнулся на кадушку, и она загремела. И опять он стал ощупывать, точно скобку искал. Вот взялся за скобку. У старика дрожь пробежала по телу. Вот дернул за скобку и вошел в человеческом образе. Дутлов знал уже, что это был он. Он хотел сотворить крест, но не мог. Он подошел к столу, на котором лежала скатерть, сдернул ее, бросил на пол и полез на печь. Старик знал, что он был в Ильичовом образе. Он оскалился, руки болтались. Он взлез на печку, навалился прямо на старика и начал душить» [11]. Действия призрака напоминают действия *домового*, который по ночам может душить людей, предсказывая добро или худо. Одно из прозвищ *домового* – *хозяин*, поскольку он следит за домом и скотиной, соотносится с главой семьи. *Лихой* («чужой») *домовой* может мучить и морить домашних животных. Также нелюбимую скотину не жалуется «своей» *домовой*. Эти представления отражены у Толстого: «Дед встал, поднял окно; на улице было темно, грязно; передок стоял тут же под окном. Он босиком, крестясь, вышел на двор к лошадям: и тут было видно, что *хозяин* приходил. Кобыла, стоявшая под навесом у обреза, запуталась ногой в повод, просыпала мякину и, подняв ногу, закрутив голову, ожидала хозяина. Жеребенок завалился в навоз» [11]. *Домовой* может иметь облик кота [7, с. 639], а в ногах у Дутлова под утро оказалась кошка: «Что-то зашевелилось по ногам старика. Это была кошка: она спрыгнула на мягкие лапки с печки наземь и стала мяукать у двери» [11]. *Домовой*, как и *ходячий покойник*, является персонажем пограничным, существующим между своим и чужим мирами: он связан с домом, освоенным пространством, и с нечистой силой, обитающей в другом, чужом измерении. Такой же двойственной символикой обладает и образ кошки, которая, по народным поверьям, наделяется различными демоническими функциями [7, с. 637–640].

Спустя небольшое время после ухода призрака кричит *петух*. В народных представлениях он является вещью птицей, наделяемой огненной, солнечной и одновременно хтонической символикой [9, с. 30]. Петух может прогонять нечистую силу, что он и делает в повести Толстого. В то же время петух связывается в народных поверьях со змеем и демонами змеиной природы, из его яйца вылупляются огненный змей и василиск, его облик могут принимать ведьма и черт [9, с. 31]. Таким образом, петух тоже оказывается связанным с границей между миром людей и миром нечистой силы, положительным и отрицательным пространством. Кроме того, кричит петух, прогоняя демонов, перед рассветом – пограничным между ночью и утром временем суток.

Призрак, ушедший незадолго до петушиного крика, не случайно посещает старика Дутлова. По воле барыни найденные на дороге роковые деньги остаются у него. С помощью этих денег Дутлов может откупить от рекрутчины своего племянника, но старик не торопится совершить благое дело. Только появление страшного гостя заставляет его переменить намерение. Так трагедия Поликушки

оборачивается счастьем для рекрута и его семьи, которая не потеряет молодого парня, сына, мужа. Символично то, что несостоявшегося новобранца зовут Илюха, а отчество несчастного Поликушки, которое в крестьянской среде часто заменяло имя, – Ильич. Эти два персонажа словно обменялись в повествовании долей и недолей, счастьем и несчастьем и оказались неразрывно связанными друг с другом.

Примечательно, что обозначенная с первой страницы повести тема рекрутчины тоже связана с понятием границы. *Рекрут*, как невеста и покойник, является лиминальным существом с переходным статусом – отсюда похоронная и свадебная символика в рекрутском обряде [9, с. 420]. Рекрутом мог бы стать Поликушка, если бы за него не заступилась барыня. Какое-то время в статусе рекрута пребывает Илюха. Рекрутом становится купленный Дутловым парень, Алеха. Оба, Илья и Алексей, в самые напряженные для них моменты повествования ведут себя девиантно, подтверждая лиминальный статус выпавших из своего, правильного, мира людей: «Илья вскочил, ударил кулаком в стекло и закричал во всю мочь <...> бросился к другому окну, чтоб и то разбить. <...> закатив глаза, подступил с сжатым кулаком к Дутлову <...> Илья, со спутанными волосами, с бледным лицом и вздернутой рубахой, оглядывал комнату, как будто старался вспомнить, где он»; «Рекрут, казалось, не видал никого, но чувствовал, что дивившаяся на него публика все увеличивается, и это придавало ему силы и ловкости. Рекрут плясал бойко. Брови его были нахмурены, румяное лицо его было неподвижно; рот остановился на улыбке, уже давно потерявшей выражение. <...> Торговка с закусками стояла в толпе. Алеха увидел ее, выхватил у ней лоток и весь высыпал в телегу. <...> Алексей-рекрут стоял посередине дороги и, стиснув кулаки, с выражением ярости на лице, ругал мужиков что было мочи» [11].

Итак, рассмотренные нами образы и детали повести Л. Н. Толстого – Поликушка, Акулина, Илюха, Алеха, кузнец, младенец, конь, кошка, петух, угол, дверь, лестница, чердак, дорога, покойник, домовая, люлька, вода, – транслируют символику границы, что оказывается непосредственно связанным с сюжетом произведения о жизни и смерти, добре и зле, трагических событиях в крестьянской среде. Заглавный герой все время находится на грани честного и бесчестного существования, счастья и несчастья, взлета и падения. На грани оказываются и другие персонажи, так или иначе связанные с ним: жена, ребенок, рекрут. Трагическая развязка жизни Поликушки и беды его семьи словно предопределены этим существованием на границе, поддерживаются элементами произведения, транслирующими данную символику. Падение на темную сторону, в небытие, безумие, неизбежно. Одновременно происходит и попадание на другую, светлую сторону: неожиданное спасение Илюхи от тяжелой и долгой воинской службы. Но финал произведения, формально счастливый, наполнен горечью, навеянной судьбами Поликушки и Алехи. Толстой не только показывает читателю тяготы жизни простых крестьян, но и выводит его на широкое философское обобщение: граница между жизнью и смертью, удачей и неудачей, счастьем и несчастьем очень тонкая, легкопроходимая и нужно быть готовым к этому.

Список источников и литературы

1. *Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. 2008–2017. URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=42966> (дата обращения: 20.08.2020).*
2. *Исмаилова З. С. Лексическое взаимодействие русского и лакского языков в художественном тексте (на материале повестей Л. Н. Толстого «Два гусара» и «Поликушка» на лакском языке) // Известия Дагестанского*

- государственного педагогического университета. *Общественные и гуманитарные науки*. 2011. № 1. С. 63–65.
3. Райхлина Е. Л. Герои повестей «Отец Сергей» и «Поликушка» Л. Н. Толстого в пространстве немого кинематографа // *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2018. № 7. С. 49–52.
 4. Рустамова Г. Р. Перевод рассказа Л. Толстого «Поликушка» Н. Бектошем на таджикский язык // *Вестник Педагогического университета*. 2015. № 6-2. С. 187–191.
 5. Сакануэ Й. Фольклорные мотивы в повести Л. Н. Толстого «Поликушка» // *Бюллетень Японской ассоциации русистов*. 2003. № 35. С. 67–72.
 6. *Славянские древности: этнолингвистический словарь*. В 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого; Ин-т славяноведения РАН. М.: *Международ. отношения*, 1995. Т. 1: А–Г. 584 с.
 7. *Славянские древности: этнолингвистический словарь*. В 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого; Ин-т славяноведения РАН. М.: *Международ. отношения*, 1999. Т. 2: Д–К. 702 с.
 8. *Славянские древности: этнолингвистический словарь*. В 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого; Ин-т славяноведения РАН. М.: *Международ. отношения*, 2004. Т. 3: К–П. 704 с.
 9. *Славянские древности: этнолингвистический словарь*. В 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого; Ин-т славяноведения РАН. М.: *Международ. отношения*, 2009. Т. 4: П–С. 656 с.
 10. *Славянские древности: этнолингвистический словарь*. В 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого; Ин-т славяноведения РАН. М.: *Международ. отношения*, 2012. Т. 5: С–Я. 736 с.
 11. Толстой Л. Н. Поликушка [Электронный ресурс] // *Русская виртуальная библиотека*. URL: https://rvb.ru/tolstoy/o1text/vol_3/o1text/0024.htm (дата обращения: 13.08.2020).
 12. Федорова Е. А., Ковалева И. Ф. Жанровое содержание народных легенд в литературной обработке Е. Н. Опочинина // *Проблемы исторической поэтики*. 2018. Т. 16, № 3. С. 101–121.
 13. Юрьева А. В. Кинематографичность повести Л. Толстого «Поликушка» // *Филологические чтения ЯрГУ им. П. Г. Демидова*. Ярославль, 2017. С. 182–184.
 14. Parthé K. Masking the Fantastic and the Taboo in Tolstoj's "Polikuška" // *The Slavic and East European Journal*. 1981. Vol. 25. № 1. P. 21–33.

References

1. Dal V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language] Available at: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=42966> (accessed: 20 August, 2020). [In Russian].
2. Ismailova Z. S. Leksicheskoye vzaimodeystviye russkogo i lakskogo yazykov v khudozhestvennom tekste (na materiale povestey L. N. Tolstogo «Dva gusara» i «Polikushka» na lakskom yazyke) [Lexical interaction of the Russian and Lak languages in the literary text (based on the stories of L. N. Tolstoy "Two Hussars" and "Polikushka" in the Lak language)]. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki*. 2011. Issue. 1. Pp. 63–65. [In Russian].

3. Raykhlina Ye. L. Geroi povestey «Otets Sergiy» i «Polikushka» L. N. Tolstogo v prostranstve nemogo kinematografa [Characters of Tolstoy`s stories “Otetz Sergiy” and “Polikushka” acting in silent films]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki*. 2018. Issue 7. Pp. 49–52. [In Russian].
4. Rustamova G. R. Perevod rasskaza L. Tolstogo «Polikushka» N. Bektoshem na tadzhikskiy yazyk [Translation of L. Tolstoy`s Story "Polikushka" by N. Bektosh into Tajik Language]. *Vestnik Pedagogicheskogo universiteta*. 2015. Issue 6-2. Pp. 187–191. [In Russian].
5. Sakanoue Y. Fol'klornyye motivy v povesti L. N. Tolstogo «Polikushka» [Folklore motives in the story by L. N. Tolstoy "Polikushka"]. *Byulleten' Yaponskoy assotsiatsii rusistov*. 2003. Issue. 35. Pp. 67–72. [In Russian].
6. *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 tomakh. [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 volumes]*. Ed. by N. I. Tolstoy; Institute of Slavic Studies of RAS. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1995. Vol. 1: А – Г. 584 p. [In Russian].
7. *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 tomakh. [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 volumes]*. Ed. by N. I. Tolstoy; Institute of Slavic Studies of RAS. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1999. Vol. 2: Д – К. 702 p. [In Russian].
8. *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 tomakh. [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 volumes]*. Ed. by N. I. Tolstoy; Institute of Slavic Studies of RAS. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 2004. Vol. 3: К – П. 704 p. [In Russian].
9. *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 tomakh. [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 volumes]*. Ed. by N. I. Tolstoy; Institute of Slavic Studies of RAS. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 2009. Vol. 4: П – С. 656 p. [In Russian].
10. *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 tomakh. [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 volumes]*. Ed. by N. I. Tolstoy; Institute of Slavic Studies of RAS. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 2012. Vol. 5: С – Я. 736 p. [In Russian].
11. Tolstoy L. N. *Polikushka [Polikushka]* Available at: https://rvb.ru/tolstoy/01text/vol_3/01text/0024.htm (accessed: 13 August, 2020). [In Russian].
12. Fedorova E. A., Kovaleva I. F. Zhanrovoye sodержaniye narodnykh legend v literaturnoy obrabotke Ye. N. Opochinina [The genre content of folk legends in the literary adaptation by E. N. Opochinin]. *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. 2018. Vol. 16. Issue 3. Pp. 101–121. [In Russian].
13. Yur'yeva A. V. Kinematografichnost' povesti L. Tolstogo «Polikushka» [The cinematography of L. Tolstoy's story "Polikushka"]. *Filologicheskiye chteniya YarGU im. P.G. Demidova*. 2017. Pp. 182–184. [In Russian].
14. Parthé K. Masking the Fantastic and the Taboo in Tolstoj's "Polikuška". *The Slavic and East European Journal*. Vol. 25. Issue 1 (Spring, 1981). Pp. 21–33.

Сведения об авторе

Абрамова Вероника Игоревна –
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка и литературы
ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: istinijobraz@mail.ru).

Information about the Author

Abramova Veronika Igorevna,
Candidate of philological Sciences, Associate
Professor of the Department of Russian
language and literature of Tula State
Lev Tolstoy Pedagogical University
(e-mail: istinijobraz@mail.ru).